

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОДА КОРОНАКРИЗИСА

© КАЗЕННОВ С.Ю., КУМАЧЕВ В.Н., КОРОЛЕВА Е.М., 2020

КАЗЕННОВ Сергей Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник группы глобализации военно-экономических процессов отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (imemoran@imemo.ru).

КУМАЧЕВ Владимир Николаевич, старший научный сотрудник группы глобализации военно-экономических процессов отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (kumach-44@yandex.ru).

КОРОЛЕВА Евгения Михайловна, научный сотрудник сектора военной экономики и инноваций отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (koroleva@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-5656-3791.

Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н., Королева Е.М. Некоторые особенности военно-экономической деятельности периода коронакризиса.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 4, сс. 13-26. DOI: 10.20542/afj-2020-4-13-26

DOI: 10.20542/afj-2020-4-13-26

УДК: 338.245

Статья поступила в редакцию 25.06.2020.

Коронакризис – собирательное обозначение нынешнего этапа глобального системного кризиса, в котором *COVID-19* – катализатор, триггер многих происходящих процессов, в том числе разрушительных и дестабилизирующих. В статье рассматривается влияние коронакризиса на военно-экономическую деятельность (ВЭД) – прямое и косвенное. С одной стороны, пандемия *COVID-19* затрудняет ВЭД, ее непосредственное функционирование, включая кадровое обеспечение, снижение платежеспособного спроса, возможности финансирования, осуществления военно-технического сотрудничества. С другой, в условиях распространения коронавирусной инфекции наблюдается рост глобальной напряженности, конфронтационности, психологической неустойчивости, поведенческого радикализма. Это находит свое отражение в востребованности военной мощи, силовых инструментов в том или ином качестве некоего “страховочного пояса” и, соответственно, продукции ВЭД, в том числе нетрадиционной, для “гибридных” противостояний. Кроме того, пандемия *COVID-19* стала фактором повышения роли ВЭД как одного из “локомотивов” выхода из коронакризиса, технологического инкубатора.

Ключевые слова: военно-экономическая деятельность, коронакризис, пандемия *COVID-19*, военно-экономические дисбалансы, военные расколы, оборонная сфера, безопасность.

Прежде всего поясним: коронакризис – это обобщенное обозначение нынешнего этапа системного кризиса на данном временном отрезке, сфокусированного на пандемии *COVID-19*, ее проявлениях и последствиях. Этот глобальный кризис связан как с проблемами переходного миропорядка, так и с очередной коренной сменой технико-хозяйственных

укладов, совершающейся на наших глазах. Проблема *COVID-19* – его составная часть, сегодня наиболее рельефная, знаковая. Она очень плотно, глубоко вмонтирована в весь комплекс происходящих процессов, в том числе разрушительных. Коронавирусная инфекция выступает зачастую как их катализатор, бустер, каскадный мультипликатор, при этом проецируется на самые разные области внешней и внутренней безопасности, в числе прочего и на сферу оборонной и военно-экономической деятельности.

КОМПЛЕКСНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КОРОНАКРИЗИСА НА ВЭД

Сегодняшняя ситуация с *COVID-19* в плане его воздействия на оборонную сферу – это не только прямые медико-биологические, санитарно-эпидемические аспекты, хотя и они очень важны. В Европе в 2020 г. по причине *COVID-19* отменен, сокращен по формату и составу ряд военных учений разного уровня, включая крупные учения НАТО “Защитник Европы” с трансатлантической переброской войск и их выдвиганием к восточным рубежам блока, маневры на севере Норвегии с участием ненаатовских стран, учения в Южной Корее и т.д. Были временно поставлены на прикол американский и французский авианосцы, часть команд которых заразилась *COVID-19* [1]. Болезнь поразила и треть курсантов-нахимовцев в ходе подготовки к Параду Победы 2020 г. в России. Заражение *COVID-19* отмечено на 150 военных базах на территории США. Вирус серьезным образом затронул персонал многих оборонно-промышленных предприятий в мире.

Никак не меньшее значение (возможно, даже большее, чем прямое влияние), имеют косвенные аспекты коронакризиса: психолого-поведенческие и цивилизационные – с глубоким поражением общественного сознания, дестабилизирующими последствиями. Эти аспекты необходимо проанализировать, принимать во внимание в оценке текущей ситуации и перспективных трендов, состояния дел, балансов сил, намерений и поступков как во внешней, так и во внутренней политике.

Коронакризис в этом смысле, безусловно, влияет на формирование среды для функционирования и развития оборонной сферы и ВЭД, задания стимулов, ограничителей, правил игры на страновом, региональном и международном пространстве. С одной стороны, это падение валового внутреннего продукта (ВВП), темпов экономического развития с сокращением возможностей для выделения средств на ВЭД, реализацию результатов этой деятельности на рынках гособоронзаказа (ГОЗ) и военно-технического сотрудничества (ВТС). С другой – рост нестабильности в мире, его турбулентности, непредсказуемости, конфронтационности, действий по принципу “все против всех”. Следствием этого стала потребность в некоем “страховочном поясе” в виде традиционной военной мощи, средств сдерживания, даже избыточных, и в соответствующих военно-экономических приготовлениях.

Новые мотивации появляются для обострения старых конфликтов и противоречий, подпитывая существовавшие ранее. Возникает искушение переложить ответственность за внутренние проблемы, множась в кризисных условиях, на “внешних недругов” (идет их активный поиск), решать свои геополитические чаяния именно в сегодняшних обстоятельствах. Налицо одновременное стремление повысить собственный вес в мире, в том числе за счет военной экспансии, угрозы применения силы, особенно в ситуации, когда разные страны по-разному переживают *COVID-19* [2]. Кстати, это весьма отчетливо можно наблюдать в ходе резкого обострения ряда региональных конфликтов, создания кризисных и даже “революционных” ситуаций, например, по периметру границ РФ, в ее геополитическом “мягком подбрюшье” (англ. идиома *Soft Underbelly*).

В условиях пандемии желательно так называемое водяное перемирие, как в известной сказке Р. Киплинга о Маугли, когда во время сильной засухи хищники перестают охотиться у источника. Однако призывы Генерального секретаря ООН А. Гуттериша объявить глобальное прекращение огня в период пандемии, снизить взаимные претензии, амбиции, уровень конфронтации (при подразумеваемом в этом случае сокращении военных бюджетов и объемов военного производства), к сожалению, не имеют продолжения в виде двусторонних или многосторонних инициатив и соглашений, хотя на словах все “стремятся к миру”.

В процессе развития коронакризиса наблюдается резкий рост внутренней нестабильности, всеобщего недовольства по любому поводу и даже при его отсутствии, бунтарства, проявлений сепаратизма, экстремизма, терроризма, не исключая и самые благополучные в социально-экономическом отношении страны, на фоне падения доходов населения и государства. Это ставит вопрос о наличии и создании особого класса вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ), в том числе нелетальных, для действий в условиях городов, а также спецсредств, экипировки, средств и способов контроля, нейтрализации, кибертехнологий, что особо важно в эпоху “смартфонно-сетевых” революций (например, информационно-когнитивное воздействие, инфразвук, геолокация и т.д.) [3]. В полной мере это относится и к средствам осуществления контртеррористических операций, между прочим, высокотехнологичным и дорогостоящим, включая космические средства наблюдения и разведки, идентификации. Крайне интересен в этом плане опыт Израиля, разнообразный и весьма успешный [4; 5].

Очевидна тесная прямая зависимость между общеэкономическим развитием, размером и динамикой ВВП различных стран и возможностью, а также склонностью выделять средства, в тех или иных объемах, на оборону и безопасность, военно-экономическую деятельность. Эта зависимость отнюдь не автоматическая. Есть много обстоятельств, когда оборона и безопасность перевешивают все остальное: если “отечество в опасности”, то призывы “затянуть пояса” воспринимаются как само собой разумеющееся, по крайней мере в России. Вообще проблема “пушек и масла” очень неоднозначна, это не просто перекачивание финансов из одного кармана в другой, с получением немедленного эффекта от данного процесса. Например, до 85% расходов на ГОЗ и содержание оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в РФ носит возвратный характер – через зарплаты, расходы на социальные и региональные нужды, инфраструктуру, в том числе двойного использования, доходы от инноваций, технологических прорывов, “двойных” технологий и т.д.

В целом мировая экономика в 2020 г. испытывала отрицательные темпы роста (Китай, скорее всего, – исключение), хотя это снижение оказалось не столь значительным, как это следовало из пикового падения экономики во втором квартале. Несмотря на новую волну COVID-19, во второй половине 2020 г. в мировой экономике не произошло новых драматических провалов, “афтершоков”. Что касается военных расходов, то эти перемены по-разному отражаются на их динамике у ведущих (по данному параметру) стран мира. Ощутимые сокращения могут, например, коснуться Саудовской Аравии, продолжится, видимо, рост военных расходов в Индии.

В США даже с учетом коронакризиса и обнулением темпов роста ВВП принят рекордный оборонный бюджет на 2021 финансовый год. И это не просто эксцесс года президентских выборов. На разработку перспективных технологий (*Advanced Capabilities Enablers, ACE*) предлагается выделить 1/7 часть затребованного финансирования. Заметим, что эта сумма существенно превышает весь оборонный бюджет Российской Федерации в его номинальном пересчете в долларовом эквиваленте. Ожидается существенный рост американских расходов на военный космос и новейшие технологии.

Одновременно США планируют существенную рационализацию своей военно-экономической деятельности в течение ближайших пяти лет. Будет отменено или отсрочено выполнение 80 программ, запланирован вывод из эксплуатации определенной части устаревающих авиатехники и средств ВМФ с экономией нескольких десятков млрд долл. [6, р. 10] Китай, чей номинальный оборонный бюджет составляет четверть американского, также увеличивает военные расходы, правда, этот рост – самый низкий за последние годы [7, р. 1]. При этом в условиях коронакризиса вопросы внутренней безопасности и стабильности (и расходов на их обеспечение, прежде всего в социально-экономическом сегменте) становятся приоритетными. Так, в Европейском союзе (его члены в основном являются и членами блока НАТО) опасаются достижения “неприемлемого” уровня безработицы. Поэтому здесь с осторожностью воспринимают призывы США о 4%-ном (в год) росте расходов на оборону.

Если говорить о России, то падение ее ВВП во втором квартале составило 9.6%. В августе 2020 г. Президент РФ В. Путин озвучил планку потерь ВВП страны на 2020 г. в 5–6%

в годовом исчислении [8]. Считается, что именно “регулируемость” рыночной экономики РФ, своевременные административные меры позволили избежать более серьезных потерь, держать под контролем инфляцию (4.6% в сентябре 2020 г., ее пик, по прогнозам Росбанка, придется на январь–февраль 2021 г.) и безработицу. В 2021 г. ожидаются нынешние мировые цены на нефть – в коридоре 40–45 долл. за баррель. На Московском финансовом форуме (8 сентября 2020 г.) был озвучен прогноз Центробанка по темпам роста российского ВВП: на 2021 г. – 3.5–4.5%, на 2022–2023 гг. – 2.5–3.5% (правительственный прогноз несколько ниже, причем самый низкий – на 2023 г.). Подчеркнем, все эти “умеренные” (умеренно-оптимистические) прогнозы делались до осеннего всплеска заболеваемости и связанных с ним проблем.

Это, в свою очередь, может означать, что, при большой вероятности пересмотра оборонного бюджета РФ, в том числе структурного, а также затрат на ГОЗ, на развитие и функционирование отечественного ОПК, оптимизация расходов в оборонной сфере РФ все же не будет носить радикального характера. Напомним, что все последние годы, после пика в 2016 г., оборонный бюджет РФ находится на стабильном уровне или даже имеет тенденции к сокращению – с 3.5% ВВП до 2.85% ВВП в 2020 г. (зарубежные аналитические структуры предполагают эти показатели заниженными, впрочем, есть и противоположные мнения) [9; 10, р. 194; 11]. Это отчасти связано с тем, что основные планы по обновлению ВВСТ в вооруженных силах (ВС) РФ уже реализованы и дальнейшая деятельность в данном направлении не требует явно выраженных аккордных усилий. При этом, как считается, нижняя граница “безопасного” военного бюджета РФ сегодня находится на уровне 2.5–2.6% ВВП (именно таковой она может оказаться в 2022–2023 гг.), хотя и может быть пересмотрена с учетом действий и намерений в военном и военно-экономическом отношении у других стран.

В данном ракурсе отметим известный “Меморандум А. Силуанова” – предложения Минфина России (июль 2020 г.) о секвестировании расходов по Госпрограмме вооружений (ГПВ) в сфере обороны и космоса на три предстоящих года на несколько сот миллиардов рублей. Важна даже не величина (на фоне нынешних бюджетов Министерства обороны и Роскосмоса она не столь значима – 5–7%), а сам подход и его публичное озвучивание: значит, эти расходы “можно трогать” и пересматривать в будущем [12].

Каковы перспективы выхода мировой экономики из коронакризиса, обусловленного *COVID-19*, и каковы последствия этого для сферы безопасности и обороны? Оптимисты говорят о полутора–трех годах до выхода на прежнюю траекторию развития с “рубцеванием” нанесенного кризисом ущерба. Другое мнение, достаточно распространенное, – кризис продлится несколько лет, до 2030 г. (с пиком в 2021–2023 гг.) [13, р. 1]. Величина средств, необходимых для решения посткризисных проблем, например, восстановления логистики, инфраструктуры, мировой торговли (темпы ее сокращения во время пандемии *COVID-19* вдвое превышают темпы падения глобального ВВП), осуществления структурных изменений в экономике, воссоздания системы международной и внутренней безопасности, может находиться в диапазоне 10–30 трлн долл.

При этом полностью “в привычном виде” мир может не восстановиться никогда. Возможно, мы стоим на пороге той самой “новой нормальности”, о которой сегодня столько говорят. Придется многое пересмотреть в системе ценностей, политических и цивилизационных предпочтениях, в масштабах и схемах потребления, отношении к государству, в конце концов, в геополитических амбициях и путях их реализации на международной арене с поиском более экономных сценариев и средств. Например, будут ли охваченные расово-этническими противоречиями американское общество и даже политические элиты с прежним упорством настроены на осуществление глобальной политики на принципах жесткого доминирования, с масштабным использованием военной мощи, прямым или косвенным?

Пандемия *COVID-19* может быть осложнена другими серьезными заболеваниями, будет носить возвратный характер, мутировать и дрейфовать из одного региона в другие. Как это было в период знаменитой “испанки” (которая якобы остановила Первую мировую войну). Сегодня подобный сценарий только многократно усилится коммуникационно-транспортными возможностями. Климатические изменения и без того низкий и снижающийся уровень жизни,

не только в слаборазвитых странах, вызовут разрушительные волны все более масштабной миграции в развитые государства при зримой радикализации мигрантского сообщества. Вполне вероятны кризис идентичности наций, в том числе ведущих, создание условий для “цветных” революций, гражданских войн.

Сегодняшняя политика “денежного количественного смягчения”, стремление залить коронакризис “вертолетными деньгами”, скорее всего, уже в близкой перспективе вызовут вал инфляции, жесткий кризис кредитно-долговой системы, на которой, собственно, во многом и базируется вся современная экономика производства, потребления, инвестирования. Попытки манипуляции с налогами могут внести дополнительную разбалансировку в экономику. Целостность и взаимозависимость современного мира, “сжатие” пространства и времени только усилят мультиплицирующий эффект, упростят реализацию “принципа домино”. Широко распространено мнение, что нынешняя ситуация вообще является “разминкой” в преддверии куда более серьезных потрясений и испытаний, к которым современный мир совершенно не готов – экономически, политически, психологически.

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРОНАКРИЗИСУ В ОБОРОННОЙ СФЕРЕ

Многие страны мира, в том числе ведущие, несут в связи с *COVID-19* весомые потери, что заставляет их разрабатывать и претворять в жизнь неотложные меры в этом направлении. 20 марта 2020 г. замминистра обороны США по закупкам и тыловому обеспечению Э. Лорд подписала меморандум “О функционировании критических элементов оборонно-промышленной базы США” (*DIB*), направленный на обеспечение стабильности работы оборонных предприятий страны и выполнения заказов Пентагона в условиях пандемии. Это касается всего комплекса вопросов логистики, инфраструктуры, сопровождения полного жизненного цикла ВВСТ, производства и ритмичных поставок компонентов, систем и средств программного обеспечения, элементной базы и т.д. Меморандум Э. Лорд является дополнением к сделанному ранее заявлению Министерства внутренних дел США по принятию мер руководством компаний, правительствами штатов и местными властями по реализации оборонно-промышленных и общеэкономических возможностей в условиях *COVID-19*. Это включает поддержание кадрового потенциала и его здоровья, особенно в важнейших отраслях национальной промышленности. Особо оговариваются требования к персоналу сферы ОПК по личной санитарно-эпидемической безопасности, сохранению работоспособности.

Проводится соответствующая работа с представителями военно-промышленных фирм в целях выявления их проблем, в том числе кадровых, способности функционировать в условиях *COVID-19*, возможности перевода части персонала на удаленную работу. Свое видение ситуации и отчеты о принятых мерах по обеспечению безопасности персонала, поддержанию кооперационных цепочек, взаимодействию с партнерами по бизнесу и заказчиками представили ведущие военно-промышленные компании *Boeing*, *General Electric*, *Lockheed Martin* и др. Среди принимаемых мер, в частности, – сокращение перемещений персонала, командировок, “избыточных” посещений, введение чрезвычайных мер санитарного контроля, дезинфекции. Причем первоначальный оптимизм у многих сменился более реалистичными выводами. Так, корпорация *Boeing* в августе 2020 г. была вынуждена объявить о “добровольном” увольнении значительной части персонала (в некоторых подразделениях – до трети) в связи со сложной эпидемической ситуацией и невозможностью поддерживать производство на прежнем уровне [14].

В рамках “Закона об оборонном производстве” Министерство обороны США выделило около 40 млн долл. на поддержку и укрепление критически важных технологий, особенно пострадавших в кризисной ситуации, в первую очередь в авиационной и ракетно-космической промышленности (АРКП) и судостроении (например, микроэлектроника, производство корабельных винтов). Кроме того, некоторые из поддерживаемых предприятий находятся в регионах США, испытавших наибольшие проблемы с *COVID-19*. Среди решаемых при этом задач – импортозамещение, снижение зависимости США от внешних поставок зарубежных комплектующих и связанных с этим рисков для национальной безопасности. Это также ликвидация “узких мест” в производственных цепочках, нарушенных в ходе пандемии

COVID-19, поддержка соответствующей инфраструктуры и транспортных мощностей [15, p. 2].

Примечательно, что в оборонный бюджет США на 2021 г. включены расходы на разработку и тестирование вакцины от COVID-19. В июне 2020 г. в Постоянном комитете по разведке Палаты представителей американского Конгресса проходили слушания по содержанию "Национальной разведывательной оценки возможных угроз национальной безопасности США со стороны COVID-19 и путей противодействия им". Рассмотрено три основных аспекта. Во-первых, в плане оценки медико-санитарной составляющей COVID-19; во-вторых, влияния данной проблемы на национальную экономику и оборонный комплекс; в-третьих, это задачи прогнозирования изменений миропорядка, системы международной безопасности, баланса сил в мире и соответствующей разработки эффективных мер в области национальной обороны и безопасности.

В Европе те страны и компании (например, Великобритания и *BAE Systems*), которые первоначально не придали проблеме COVID-19 должного внимания, впоследствии были вынуждены принимать экстренные меры по купированию пандемии. В итоге *BAE Systems* выработала концепцию "безопасной рабочей среды" для своих сотрудников, клиентов, поставщиков в целях минимизации воздействия пандемии на функционирование бизнеса. Компания *Matra (MBDA)*, известный производитель военной техники, временно закрывала ряд предприятий во Франции и Италии с проведением комплексной дезинфекции, часть сотрудников была переведена на дистанционный режим работы. Требования обеспечения безопасности бизнеса и персонала в условиях COVID-19 соблюдаются также в отделениях *MBDA* в ряде других стран Европы, в ОАЭ, Индии, Катаре, Саудовской Аравии. Компания *Airbus* временно останавливала работу всех своих предприятий в Испании и во Франции. Судостроительная фирма *Fincantier* (Италия), владеющая 20 верфями на четырех континентах, временно прекращала работу на своих предприятиях, как подчеркивается, без ущерба для выполнения заказов, без сокращения персонала и снижения зарплат. Невыход на работу был компенсирован сокращением сроков отпусков [16, p. 3]. На пике второй волны пандемии серьезно просела сфера высоких и оборонных технологий Израиля, в некоторых секторах – на треть. И это несмотря на известное отношение в Израиле к санитарно-эпидемическому контролю.

В России, в основном своевременно и эффективно среагировавшей на пандемию, фактор COVID-19, если судить по официальной информации, сказался на оборонной и оборонно-промышленной сфере меньше, чем это могло бы случиться в иных обстоятельствах. Подводя итоги стратегическому командно-штабному учению "Кавказ-2020" (завершилось 26 сентября 2020 г.), министр обороны РФ С. Шойгу подчеркнул, что меры, принятые в связи с COVID-19, позволили не допустить снижения боевых возможностей вооруженных сил. В ВС создана эффективная система противодействия пандемии, что позволило избежать массовых заражений военнослужащих, выполнить запланированные мероприятия учебно-боевой деятельности. В весенний пик COVID-19 работало 98% головных предприятий ОПК РФ, дистанционно трудилась примерно четверть персонала [17, p. 2]. Мероприятия по дезинфекции и другие противоэпидемические меры проведены у нескольких сот предприятий ОПК, в том числе при активном привлечении соответствующих структур ВС РФ.

В ходе итогового заседания Расширенной коллегии МО РФ 21 декабря 2020 г. С. Шойгу сообщил, что значительное число предприятий ОПК в условиях пандемии все же было вынуждено остановить работу, всего в ОПК в разгар COVID-19 было зарегистрировано 2.3 млн случаев нахождения специалистов на самоизоляции. Принятие своевременных мер, среди которых – жесткий контроль, опережающее финансирование, личное вмешательство Верховного Главнокомандующего ВС РФ, позволило радикально изменить ситуацию, обеспечить выполнение ГОЗ на середину декабря 2020 г. на 99%. Как подчеркнул С. Шойгу, заболеваемость COVID-19 на 100 тыс. человек в ВС РФ оказалась на 37% ниже, чем по стране в целом. Началась массовая вакцинация военнослужащих, армия приняла активное участие в создании вакцины "Спутник V" и ее тестировании.

В. Путин, присутствовавший на коллегии, в своем выступлении особо отметил, что в ходе COVID-19 не допущено сбоев в обеспечении обороноспособности страны, решении текущих задач по перевооружению ВС и созданию перспективных ВВСТ и технологий [18]. В

то же время в ходе инспекционной поездки на предприятия ОПК Иркутска и Комсомольска-на-Амуре (август 2020 г.) С. Шойгу высказал определенные претензии к тем руководителям, которые хотели бы использовать фактор *COVID-19* для получения щадящего режима работы, увеличения сроков выполнения гособоронзаказа, в числе прочего указывая на проблемы с соисполнителями и поставщиками комплектующих. Что, заметим, и помимо *COVID-19* является серьезной проблемой ОПК и ГОЗ и требует особого контроля по всей вертикали производственных цепочек.

Министерство обороны РФ в этих сложных условиях расширило практику 80%-го авансирования контрактов по ГОЗ, что является особо чувствительным для АРКП и судостроения. Фирмам ОПК оказывается финансовая поддержка в виде субсидий по возмещению части затрат на оплату процентов по кредитам, полученным от российских кредитных организаций, прежде всего направляемым на осуществление инновационных и инвестиционных проектов для создания и выпуска высокотехнологичной продукции, в том числе гражданского назначения. Стратегические предприятия оборонно-промышленного комплекса РФ также субсидируются для недопущения их банкротства. Предприятия ОПК могут получить целевую поддержку государства в рамках неотложных мер по обеспечению устойчивости российской экономики в условиях кризиса. Что касается ускоренного размещения ГОЗ для поддержки ОПК, то эти вопросы должны четко увязываться с задачами и возможностями заказчика, в первую очередь МО РФ. Это важно при планировании производства перспективной продукции, требующего дополнительной опережающей подготовки.

Было бы неправильно говорить, что в период *COVID-19* и сокращения финансовых возможностей упор в военно-промышленной политике РФ делается преимущественно на модернизацию уже существующих ВВСТ, хотя ряд из них имеет очень значительный модификационный ресурс (об этой проблеме – ниже). Более того, военно-промышленные фирмы во многих случаях сами финансируют и осуществляют деятельность по перспективным НИОКР и технологическим заделам, в том числе с учетом востребованности на рынках завтрашнего дня. Происходит обновление производственной базы, внедрение современных средств и методов управления, цифровизация и т.д., что способно повысить функциональную и коммерческую эффективность ВЭД. Течение *COVID-19*, его медицинские, кадровые проявления делают еще более актуальными задачи роботизации и автоматизации всей оборонной и оборонно-промышленной сферы, создания и применения безэкипажных аппаратов и модулей, БПЛА, систем искусственного интеллекта и информационных технологий.

Глава Минпромторга Д. Мантуров особо отмечает кадровую политику российского ОПК, что позволило минимизировать влияние *COVID-19* на исполнение ГОЗ. Было налажено четкое взаимодействие компаний ОПК, местных властей и Роспотребнадзора, органов здравоохранения. Вообще бережное отношение к кадрам, “неэластичность” увольнений – это сегодня еще и задача предотвращения массовой безработицы, особенно в моногородах, что является одной из отличительных черт отечественного ОПК с его высокой социальной ответственностью [19].

Скорее всего, *COVID-19* нанесет мощный удар по процессам интернационализации, глобализации военного бизнеса, с фрагментацией не только экономического, но и геополитического пространства. Влияние на сферу ВТС может оказаться весьма значительным, что важно и для понимания перспектив ВЭД РФ в целом. Очень остро (помимо политических аспектов) стоит вопрос импортозамещения, переноса производства комплектующих, узлов и компонентов на территории стран с головными производствами. Seriously нарушены логистика, система поставок в ходе кооперационных связей между ОПК различных стран. Ряд компаний и предприятий, среди них, например, “Уралвагонзавод”, получают от экспорта ВВСТ преобладающую часть своей прибыли и инвестиционного капитала. На сегодня ситуация вполне приемлема, идет исполнение заключенных ранее долговременных масштабных контрактов, но она может сказаться позже, при оформлении новых сделок. В ходе отчета Правительства РФ в Госдуме в июле 2020 г. были приведены следующие данные: экспортные поставки российских ВВСТ охватывают несколько десятков стран, составляют 15 млрд долл. в год, портфель заказов – 55 млрд долл [20].

В условиях пролонгированной пандемии *COVID-19* у стран-заказчиков (а 2/3 мирового рынка оружия – развивающиеся страны) может не оказаться достаточных средств на дорогостоящие закупки. Уже идут отказы и переносы сроков исполнения контрактов, снижение серий заказанного оружия, в том числе в отношении поставок из России, при растянутых сроках кредитного погашения. Рынок оружия – в принципе достаточно сложный, с жесткой, недобросовестной конкуренцией, с попытками дискриминации, изоляции российских поставщиков, создания для них всякого рода финансово-политических ловушек, например, с использованием режима *CAATSA*¹. Причем это предполагает и санкции для получателей российских ВВСТ, их участия в разнообразных кредитно-финансовых, кооперационных, торгово-экономических проектах, даже не имеющих отношения к оборонной сфере.

Впрочем, Россия находит возможности для их обхода. Во-первых, российское оружие имеет хорошую репутацию, оно достаточно дешевое и простое в обращении, пользователи к нему привыкли. Во-вторых, *COVID-19* породил новую нестабильность в мире, например, на границах Индии с Китаем и Пакистаном: возникла и необходимость срочных поставок [21 р. 3]. В-третьих, партнеры России реализуют приемлемые обходные схемы сделок и оплаты российского оружия, избегая западных санкций. Как заявил гендиректор АО «Рособоронэкспорт» (на который приходится 85% российского экспорта вооружений) А. Михеев, крупный экспортер привык сталкиваться с подобными проблемами. В апреле 2020 г. В. Путин поставил задачу найти эффективные способы сохранить лидирующие позиции России в экспорте военной продукции, гибко и быстро реагировать на пандемию *COVID-19* по формам и методам ведения бизнеса [22, р. 7].

СОВОКУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОРОНАКРИЗИСА ДЛЯ ОБОРОННОЙ СФЕРЫ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ОЦЕНИТЬ

Как оказалось, Правительство РФ очень своевременно приняло решение о выделении отечественной промышленности в целях стабилизации и недопущения сбоя в условиях *COVID-19* помощи на сумму в размере 1.3% ВВП страны [23, р. 10]. В любом случае российские ВЭД и ОПК должны следовать четкому целеполаганию, задаваемому интересами национальной безопасности, руководствоваться в выборе проектов и программ, их приоритетности и востребованности в нынешней ситуации рекомендациями квалифицированной и беспристрастной, комплексной (не только отраслевой) экспертизы [24].

Так, вызывают вопросы крайне затратный проект «Морской старт», планы создания серии универсальных десантных кораблей (УДК типа «Мистраль»), авианосцев и иных сил дальней морской зоны и т.д. Особые обстоятельства – необходимость загрузки ОПК в военно-промышленных моногородах и монорайонах, прежде всего в восточной части страны или, например, в Крыму. За исключением сфер и направлений, где действительно паритетная гонка вооружений с участием России неизбежна (оборонный космос, стратегические и новейшие вооружения и технологии и др.), необходимо решительно отказываться от всякого рода симметрично-зеркальных начинаний [25]. Тем более, что на Западе существует целое аналитическое направление, задачей которого является подталкивание России к значительным тратам, в том числе по тупиковым военно-техническим направлениям, в целях «измотать» РФ в гонке вооружений, повторить сценарий развала СССР [26; 27].

В целом же достаточно оснований полагать, что в условиях коронакризиса, его разнообразных проявлений, роста международной и внутривосточной напряженности, неопределенности оборонная и военно-экономическая деятельность как инструмент политики, в самых разных формах, будет весьма востребована, по крайней мере ее роль не будет снижаться. Оборонную сферу, ВЭД и ОПК наверняка по традиции попытаются использовать и в качестве «локомотива развития» для выхода из кризиса. Сегодня ОПК, как и ранее, если не в большей степени, выступает как генератор научно-технических и технологических прорывов, производитель и потребитель «двойных» технологий, наконец, как мощный работодатель. С учетом гибридизации конфликтов, их мультидоменности расширяется диапазон ВЭД, с

¹ CAATSA – *Countering America's Adversaries Through Sanctions Act* – «Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций», вступил в силу в августе 2017 г.

вовлечением в нее ранее сугубо “невоенных” и “двойных” технологий и сфер знаний, ростом потребностей в ВВСТ нового поколения.

Что касается РФ, то для нее опора в обеспечении национальной безопасности на военную мощь и ВЭД является безусловным императивом. Особенно принимая во внимание, что для современной России достаточно проблемным является перераспределение средств и усилий по обеспечению национальной безопасности с “жесткой”, военной силы на “мягкую”, а также возложение части задач коллективной обороны и безопасности, по самым разным причинам, на немногочисленных союзников и партнеров. Кроме того, как уже говорилось, существуют приоритеты, на которых нельзя экономить – среди них прорывные технологии, стратегическое сдерживание, управление, РЭБ, Арктика. Сегодня требуют все больше внимания обеспечение безопасности в зоне ближнего зарубежья, постсоветского пространства, создание ВВСТ для их надежного использования в аридных, горных, иных экстремальных условиях.

На наш взгляд, рассматривая российскую оборонную и военно-экономическую деятельность и расходы на них через призму *COVID-19*, следует говорить не только о сокращениях, а скорее о структурных изменениях. Есть сектора, которые требуют как раз наращивания усилий. А в определенных областях можно заморозить, снизить темпы, сократить серии выпуска, сместив сроки выполнения ГОЗ или, например, заменив закупки новых вооружений на глубокую модернизацию существующих (а это экономия до половины и даже до 2/3 финансовых средств) и т.д.

Что-то вообще следует убрать из приоритетов ВЭД, ГПВ, ГОЗ, поскольку это не соответствует ни потребностям российской оборонной и национальной безопасности, ни технико-технологическим и экономическим возможностям страны на современном этапе, ни даже ложно понимаемому престижу государства, тем более при настойчивом лоббировании отдельных проектов со стороны производителя и заказчика [28, р. 4]. Это особенно важно с учетом капиталоемкости, долговременности в исполнении, масштабности современных проектов в области вооружений, сложности в организации производственных цепочек (до нескольких сот и даже тысяч предприятий и организаций разного уровня, подчинения, форм собственности).

С учетом коронакризиса, при необходимости максимальной экономии средств и ресурсов, в том числе в оборонной сфере, возрастает роль осуществления так называемого асимметричного сдерживания. А это использование возможностей межвидового, “межсреднего” (мультидоменного) взаимодействия высокоинтегрированных, в рамках единого сетецентрического управления, ограниченных сил и средств для решения поставленных задач при таргетированном воздействии на ключевые звенья, “узкие места” обороны (в ее системном понимании) оппонента [29]. Так, теснейшее взаимодействие с элементами “мягкой силы”, применение гражданских и двойных технологий может потребовать меньше традиционного дорогостоящего “железа”, особенно с учетом быстрой смены технологий, стратегий, геополитики, гибридизации конфликтов [30]. В этом плане происходит определенное размывание границ между чисто военными и гражданскими, двойными технологиями, а это и сетевое программирование, и маркетинг, и резко расширившиеся возможности интернета, и многое другое [31; 32, р. 99; 33]. В связи с драматическим развитием коронакризиса и его проявлениями (а также некоторыми другими событиями) неизбежен новый всплеск интереса к химико-биологической проблематике как технологии и инструменту военной политики и геополитики. В том числе и в плане оценки влияния разных патогенов на те или иные народы, этносы, цивилизации, географические ареалы и регионы.

Можно с уверенностью полагать, что в ходе коронакризиса еще более обострится глобальное соперничество за военно-техническое превосходство. Именно “вертикальная” гонка вооружений все последние десятилетия являлась одним из центральных мест этого соперничества [34, р. 16]. При этом Россию всячески представляли в качестве аутсайдера этого соревнования, с учетом многочисленных проблем РФ в экономике, политике, оборонной сфере [35]. Судя по достижениям последнего времени, у ОПК Российской Федерации оказалось достаточно аргументов

для опровержения подобного мнения, не втягиваясь при этом в сверхзатратную симметрично-зеркальную гонку вооружений.

Необходимо подчеркнуть, что убыстрение хода технологического и военно-технического прогресса, его ветвление, дериватизация делают более трудным осуществление регулирования гонки вооружений, реализацию соответствующих дипломатических и переговорных мер. Однако, во-первых, важно учитывать возрастающие в условиях коронакризиса угрозы конвертации военной и военно-экономической мощи, накопленного самого современного и крайне дорогостоящего оружия в его боевое применение в реальных конфликтах. Во-вторых, это необходимость всесторонней экономии, в том числе в сфере ВЭД, так что попытки достижения результата в переговорной области являются еще более актуальными. Вряд ли стоит говорить, что никаких сокращений не может быть без реального взаимного доверия (не путать с “мерами доверия”). Какие-то односторонние шаги, не связанные с выработкой асимметричного подхода, как правило, воспринимаются не как миролюбие, а как проявление слабости. В любом случае необходим выбор эффективного и экономного варианта комплексной политики с приложением адекватных усилий, обеспечивающих нейтрализацию, обесценивание потенциалов оппонентов и соответственно их намерений.

На фоне вышесказанного подчеркнем еще раз: неверно рассматривать оборонную сферу, ВЭД упрощенно как некую обузу для экономики, общества, государства. В условиях *COVID-19* при сжатии гражданских, потребительских, инвестиционных рынков резко возрастает роль государства в качестве регулятора, контролера, спонсора, инвестора, заказчика и потребителя, в том числе в интересах обороны. Более того, снижение объемов военных расходов, оборонной и военно-экономической деятельности ниже определенного уровня неизбежно принесет потери не только для военной, внешней безопасности РФ, но и для внутренней, социально-экономической и политической, особенно с учетом многочисленных отраслевых моногородов на территории России и мультиплицирующего эффекта. Не случайно даже руководитель Счетной палаты РФ А. Кудрин, обычно очень внимательно и рачительно анализирующий расходы в российской экономике, в нынешней ситуации считает уровень военных расходов РФ и их долю в ВВП страны “оптимальными” [36].

В этом плане снова обратимся к предложениям Минфина РФ о сокращении расходов в оборонной сфере России [37]. Некоторые предложенные меры можно было бы считать вполне разумными, например, по увеличению срока выслуги для получения военной пенсии. Но при этом следует предусмотреть и значительное повышение текущих целевых, аккордных выплат за участие в боевых действиях, службу в “горячих точках”, исполнение особо ответственных функций и т.д. Именно в условиях *COVID-19*, психологического перенапряжения общества подобные рестрикционные меры, во-первых, несвоевременны, даже провокационны, а во-вторых, на них много не сэкономишь. Суммарно предложения Минфина тянут на 0.1% общего объема ВВП РФ – это “мелочь” в экономическом, но отнюдь не в политическом отношении. Есть куда более существенные возможности проведения рациональной и экономной политики в области обороны, о чем говорилось выше: отказ от дорогостоящих, при этом явно излишних для обороны и национальной безопасности РФ проектов. К тому же, по данным той же Счетной палаты, Министерство обороны РФ и сегодня не полностью осваивает выделяемые для него в бюджете финансовые средства.

Еще ряд моментов, на которых следует остановиться. В ходе *COVID-19* отмечается определенная склонность стран, в том числе ведущих, заниматься своими собственными проблемами, что некоторые расценили как новый изоляционизм, нежелание втягиваться в разрешение тех или иных региональных конфликтов, например, на постсоветском пространстве, в окружении России. Потому наблюдается стремление использовать данную ситуацию (как она видится подобным “наблюдателям”) для решения своих “сокровенных” задач, переформатирования геополитических конструкций. При этом внутренние беспорядки, которые хотя бы частично являются и продуктом *COVID-19*, чем бы они ни были вызваны, например, подогреваемые извне, безусловно, влияют на международную обстановку, во всей ее взаимообусловленности.

Как и предполагалось, коронакризис в своих медико-эпидемиических проявлениях носит “многогорбый” характер, и с каждой из новых, тем более “высоких” волн заболевания психологическая устойчивость населения будет снижаться. И это не только реакция на прямые экономические потери, выражаемая в деструктивном, асоциальном поведении масс. Еще во времена холодной войны в рамках программ гражданской обороны во многих странах проводились эксперименты и исследования по способности населения переносить режим изоляции в ограниченных пространствах (за рамками режима пенитенциарной системы). Результат – эта переносимость оказалась крайне низкой, при резком возрастании депрессивно-агрессивных симптомов [38]. С одной стороны, сегодня уже произошла определенная адаптация экономики, в том числе и военной, а также общества к сложившейся ситуации и к необходимости сосуществовать с COVID-19 в течение длительного времени, по возможности с наименьшими потерями. С другой, нарастает влияние фактора неопределенности, копятся психологическая усталость, фаталистичность, при снижении веры в возможность восстановления и тем более роста мировой и национальных экономик, отдельных отраслей. “Привыкание” к COVID-19 сопровождается падением дисциплины (“коронакризис все спишет”), снижением трудовых мотиваций, равнодушием исполнителя, “ковид-диссидентством”, безразличием к реализации противоэпидемиических мер и т.д.

Поэтому, во-первых, новой жесткой и эффективной самоизоляции, тем более герметичного карантина добиться все равно не удастся. Во-вторых, властям всех уровней придется балансировать между требованиями санитарно-эпидемиической безопасности, угрозой заражений и смертей и объективной картиной социально-экономической и политической ситуации, желанием масс зарабатывать, болеть, “быть свободными и ходить без масок”. Причем это будет иметь место в условиях, возможно, одновременного дальнейшего ухудшения экономического положения, нарастания недовольства масс любыми действиями и решениями властей, роста “погромных” настроений. Все это бумерангом бьет по целостной сфере безопасности во всех ее аспектах, в том числе по оборонной и военно-экономической составляющей.

Именно психологический фактор может оказаться одним из решающих для обеспечения успешного выхода из COVID-19. С учетом неснижающейся важности оборонной сферы, сектора ВЭД, ОПК особое внимание, наряду с проблемой физического здоровья, необходимо уделять психологической поддержке военнослужащих, персонала, членов их семей. В ходе селекторного совещания (13 октября 2020 г.) по случаю очередного призыва в ряды ВС РФ министр обороны С. Шойгу напомнил об особой ответственности руководства всех уровней за обеспечение комплексной санитарно-медицинской безопасности во вверенных им организациях [39].

Нарастающая лимитированность ресурсов и расходов в условиях COVID-19 еще больше подчеркивает актуальность, выводит на первый план рациональное сочетание факторов “пушек и масла” [40]. Выход из кризисной ситуации может оказаться небыстрым, болезненным, очень затратным, “социально ориентированным”, что неизбежно скажется на обстоятельствах развития и функционирования оборонной сферы, с поиском возможностей оптимизации оборонных расходов в пользу решения социально-экономических проблем. Тем более остро стоит вопрос всестороннего повышения эффективности ВЭД РФ, ее экономности, структурной заточенности на реализацию самых актуальных и неотложных задач по комплексному обеспечению национальной безопасности России [41]. Коронакризис – это серьезное испытание для всех, но также и возможность для России отработать сценарии и инструменты осуществления эффективной политики в чрезвычайных обстоятельствах, в условиях жестких ограничений самого разного свойства, что может оказаться крайне важным в беспокойном и нестабильном мире настоящего и будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Starr B., Browne R. Commander of Aircraft Carrier Hit by Coronavirus Outbreak Warns Navy “Decisive Action” Is Needed. *CNN Politics*, 01.04.2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/03/31/politics/aircraft-carrier-coronavirus-outbreak/index.html> (accessed 21.09.2020).

2. Сивков К. Станет ли пандемия COVID-19 предтечей мировых войн. *Военно-промышленный курьер*, 03.06.2020. [Sivkov K. Stanet li pandemiya COVID-19 predtechei mirovykh voyn [Will the COVID-19 Pandemic Become a Forerunner of World Wars]. *Voенно-promyshlennyy kur'er*, 03.06.2020]. Available at: <https://www.vpk-news.ru/articles/57239> (accessed 12.07.2020).
3. The State in the Time of COVID-19. *The Economist*, 26.03.2020. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2020/03/26/the-state-in-the-time-of-covid-19> (accessed 05.10.2020).
4. Мелконян С. Изменения в военной доктрине Израиля. *Новый оборонный заказ. Стратегии*, 2020, № 4(63). [Melkonyan S. Izmeneniya v voennoy doktrine Izrailya [Changes in Israel's Military Doctrine]. *Novyy oboronnyy zakaz. Strategii*, 2020, no. 4(63)]. Available at: <https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2020-4-63/izmeneniya-v-voennoj-doktrine-izrailya/> (accessed 05.08.2020).
5. *Israel Military Strength* (2020). Available at: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=israel (accessed 07.07.2020).
6. Шарковский А. Бюджеты в эпоху пандемии. *Независимое военное обозрение*, 15–21 мая 2020, № 16, с. 10. [Sharkovskii A. Byudzhety v epokhu pandemii. [Budgets in the Age of the Pandemic]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, May 15–21, 2020, no. 16, p. 10.]
7. Строкань С. Мирная программа военного времени. Китай проводит перепланировку всего – от ВВП до военного бюджета. *Коммерсантъ*, 23.05.2020, с. 1. [Strokan` S. Mirnaya programma voennogo vremeni. Kitai provodit pereplanirovku vsego – ot VVP do voennogo byudzheta [Peaceful Program of Military Time. China is Redeveloping Everything from GDP to the Military Budget]. *Kommersant*, 23.05.2020, p. 1.]
8. *Интервью телеканалу "Россия". Владимир Путин ответил на вопросы журналиста ВГТРК, ведущего программы «Вести в субботу» Сергея Брилёва.* [Interview with "Russia" TV Channel. Vladimir Putin Answered Questions from a VGTRK Journalist and a Host of the "Vesti on Saturday" Program Sergey Brilev (In Russ.)]. 27.08.2020. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63951> (accessed 31.08.2020).
9. *Совещание по федеральному бюджету на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов.* 16.07.2020. [The Meeting on the Federal Budget for 2021 and for the Planning Period of 2022 and 2023. 16.07.2020. (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63674> (accessed 18.07.2020).
10. *SIPRI Yearbook 2019. Armaments, Disarmament and International Security.* Stockholm International Peace Research Institute, Oxford Press, 2019. 704 p.
11. Kofman M., Connolly R. Why Russian Military Expenditure Is Much Higher than Commonly Understood (as is China's). *War on the Rocks. Texas National Security Review*, 2019, December 16. Available at: <https://warontherocks.com/2019/12/why-russian-military-expenditure-is-much-higher-than-commonly-understood-as-is-chinas/> (accessed 12.10.2020).
12. Минфин предложил снизить траты на госпрограмму вооружений на 5% в год. *Коммерсантъ*, 20.07.2020. [The Ministry of Finance Proposed to Reduce Spending on the State Armament Program by 5% per year (In Russ.)] *Kommersant*, 20.07.2020]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4424873> (accessed 22.07.2020).
13. Между депрессией и карантином. *Коммерсантъ*, 15.04.2020, с. 1. [Between Depression and Quarantine (In Russ.)] *Kommersant*, 15.04.2020, p. 1.]
14. Макарычев М. Boeing намерен объявить о сокращении 10 процентов рабочих мест. *Российская газета*, 27.05.2020. [Makarychev M. Boeing nameren ob'yavit' o sokrashchenii 10 protsentov rabochikh mest [Boeing Set to Announce 10 Percent Job Cuts]. *Rossiiskaya gazeta*, 27.05.2020]. Available at: <https://rg.ru/2020/05/27/boeing-nameren-obiavit-o-sokrashchenii-10-procentov-rabochih-mest.html> (accessed 22.07.2020).
15. Дронина И. Пентагон решил поддержать корабелов и авиаторов. Эпидемия COVID-19 положительно сказалась на финансовом положении военной промышленности. *Независимое военное обозрение*, 24–30 июля 2020, с. 2. [Dronina I. Pentagon reshil podderzhat` korabelov i aviatorov. Epidemiya COVID-19 polozhitel'no skazalas' na finansovom polozhenii voennoi promyshlennosti [The Pentagon Has Decided to Support the Shipbuilders and Aviators. The COVID-19 Epidemic Has Had a Positive Impact on the Financial Situation of the Military Industry]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, June 24–30, 2020, p. 2.]
16. Иванов В. Коронавирус атакует оборонные предприятия Америки и Европы. *Независимое военное обозрение*, 27 марта – 2 апреля 2020, с. 3. [Ivanov V. Koronavirus atakuet oboronnye predpriyatiya Ameriki i Evropu [Coronavirus Attacks Defense Companies in America and Europe]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, March 27 – April 2, 2020, p. 3.]
17. Парад победы – строго по расписанию. *Независимое военное обозрение*, 29 мая – 4 июня 2020, с. 2. [Victory Parade – strictly on Schedule (In Russ.)] *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, May 29 – June 4, 2020, p. 2.]
18. *Расширенное заседание Минобороны.* 21 декабря 2020 года. [Extended Meeting of the Ministry of Defense. December 21, 2020 (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64684> (accessed 21.12.2020).
19. Серийные контракты на С-500 могут заключить в этом году. *Коммерсантъ*, 23.08.2020. [Serial Contracts for the S-500 Can Be Concluded This Year (In Russ.)] *Kommersant*, 23.08.2020]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4465759> (accessed 14.09.2020).
20. *Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе.* 22 июля 2020 г. [Annual Report of the Government to The State Duma. July 22, 2020 (In Russ.)]. Available at: <http://government.ru/news/40074/> (accessed 14.08.2020).
21. Выполнение контрактов Индии с Россией будет ускорено. *Военно-техническое сотрудничество*, 22–28 июня 2020, № 26, с. 3. [Implementation of India's Contracts with Russia Will Be Accelerated (In Russ.)] *Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo*, June 22–28, 2020, no. 26, p. 3.]
22. Россия стремится расширить экспорт ПВН в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Военно-техническое сотрудничество*, 13–19 июля 2020, № 29, с. 7. [Russia Seeks to Expand Exports of Military Products in the Asia-Pacific Region (In Russ.)] *Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo*, July 13–19, 2020, no. 29, p. 7.]

23. Шарковский А. Бюджеты в эпоху пандемии. *Независимое военное обозрение*, 15–21 мая 2020, с. 10. [Sharkovskii A. Byudzhetny v epokhu pandemii [Budgets in the Age of the Pandemic]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, May 15–21, 2020, p. 10.]
24. Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н., Королева Е.М. Военно-экономическая деятельность РФ: задачи повышения эффективности. *Глобальный научный потенциал*, 2019, № 9, сс. 106–112. [Kazennov S.U., Kumachev V.N., Koroleva E.M. Voenno-ekonomicheskaya deyatel'nost' RF: zadachi povysheniya effektivnosti [Military-Economic Activity of the Russian Federation: Tasks of Increasing Efficiency]. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, 2019, no. 16, pp. 106–112.]
25. Казеннов С., Кумачев В. Эффективность военно-экономической деятельности: российский опыт и перспективы. Панкова Л.В., Казеннов С.Ю., Гусарова О.В., отв. ред. *Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций*. Москва, ИМЭМО РАН, 2019, сс. 81–84. [Kazennov S., Kumachev V. Effektivnost' voenno-ekonomicheskoi deyatel'nosti: rossiiskii opyt i perspektivy [The Effectiveness of Military and Economic Activities: Russian Experience and Prospects]. Pankova L.V., Kazennov S.Yu., Gusarova O.V., eds. *Voенно-ekonomicheskoe razvitie v svete global'nykh transformatsii* [Military and Economic Development in the Light of Global Transformations]. Moscow, IMEMO RAN, 2019, pp. 81–84.]
26. Казеннов С., Кумачев В., Королева Е. Военно-экономическая деятельность: зарубежный опыт для России. *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник*. Москва, ИНИОН РАН, 2020 г. Вып. 15, ч. 1, сс. 119–123. [Kazennov S., Kumachev V., Koroleva E. Voenno-ekonomicheskaya deyatel'nost': zarubezhnyi opyt dlya Rossii [Military-Economic Activity: Foreign Experience for Russia]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik* [Russia: Trends and Prospects of Development. Yearbook]. Moscow, INION RAN, 2020, iss. 15, vol. 1, pp. 119–123.]
27. Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Bryan F., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B. *Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options*. RAND Corporation. April, 2019. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (accessed 26.08.2020).
28. Климов М. Рубить по-умному. О сокращении оборонных расходов и перераспределении финансирования между статьями оборонного заказа. *Военно-промышленный курьер*, 29 сентября – 5 октября 2020, с. 4. [Klimov M. Rubit' po-umnoму. O sokrashchenii oboronnykh raskhodov i pereraspredelenii finansirovaniya mezhdru stat'yami oboronogo zakaza [Hack Smart. On Reducing Defense Spending and Reallocating Funding Between Items of the Defense Order]. *Voенно-promyshlennyi kur'er*, September 29 – October 5, 2020, no. 37, p. 4.]
29. *CEPA Forum, Panel IV*. 23 Sept. 2019, Washington. Available at: <https://www.cepaforum.org/2019> (accessed 14.09.2020).
30. Blackwill R., Harris J. *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft*. Harvard University Press – Belknap Press, 2016. 384 p.
31. Boston S., Massicot D. *The Russian Way of Warfare*. RAND Corporation. 2017. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE200/PE231/RAND_PE231.pdf (accessed 12.10.2020).
32. *The Development of a European Defence Technological and Industrial Base (EDTIB)*. Brussels, Directorate-General for External Policies, 2013. 99 p.
33. Steinbock D. The Challenges for America's Defense Innovation. *The Information Technology and Innovation Foundation*, November 18, 2014, pp. 3–28. DOI: 10.1080/10803920.2014.993251
34. *Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21-st Century Defense*, DoD USA, January, 2012. 16 p. Available at: https://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed 12.10.2020).
35. Theohary C.A. *Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 2008–2015*. US Congressional Research Service. December 2016. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/R44716.pdf> (accessed 12.10.2020).
36. Замахина Т. Кудрин выступил против резкого сокращения расходов на оборону. *Российская газета*, 15.10.2020. [Zamakhina T. Kudrin vystupil protiv rezkogo sokrashcheniya raskhodov na oboronu. [Kudrin Opposed a Sharp Reduction in Defense Spending]. *Rossiiskaya gazeta*, 15.10.2020]. Available at: <https://rg.ru/2020/10/15/kudrin-vystupil-protiv-rezkogo-sokrashcheniia-rashodov-na-oboronu.html> (accessed 17.10.2020).
37. Крецул Р., Рамм А., Виноградова Е. Неуставные отношения. *Известия*, 20.10.2020, сс. 1–3. [Kretsul R., Ramm A., Vinogradova E. Neustavnye otnosheniya [Non-Statutory Relationships]. *Izvestiya*, 20.10.2020, pp. 1–3.]
38. Kazennov S. *Consequences of Nuclear War for Social System. Disastrous Effects of Nuclear War (Socio-Economic Aspects)*. Moscow, Nauka, 1985, pp. 39–48.
39. *Министр обороны России провел селекторное совещание с руководящим составом Вооруженных сил*. [The Russian Defense Minister Held a Conference Call with the Leadership of the Armed Forces of the Russian Defense Ministry (In Russ.)] 22.10.2020. Available at: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12320740@egNews (accessed 30.10.2020).
40. *Актуальные методики анализа национальной безопасности РФ и их совершенствование. V Всероссийская научно-практическая конференция «Аналитика развития и безопасности России»*. Общественная палата РФ. 15 ноября 2018. [Current Methods of Analyzing the National Security of the Russian Federation and Their Improvement. V Russian Scientific and Practical Conference "Analysis of Development and Security of Russia" (In Russ.) Public Chamber of the Russian Federation. 2018.15.11]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=Ab-Ja_4TiA8&list=PLpz_6a2E7ZVeLLbZYXDKSiF5IGeDWM-OC&index=5 (accessed 30.10.2020).
41. Казеннов С., Кумачев В., Королева Е. Военно-экономические исследования безопасности: требуется комплексный подход. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*, 2018, № 8, сс. 63–65. [Kazennov S., Kumachev V., Koroleva E. Voenno-ekonomicheskii issledovaniya bezopasnosti: trebuetsya kompleksnyi podkhod [Military-Economic Security Research: a Comprehensive Approach Is Required]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*, 2018, no. 8, pp. 63–65.]

SOME SPECIAL FEATURES OF MILITARY AND ECONOMIC ACTIVITIES WITHIN THE PERIOD OF COVID-19 RELATED CRISIS**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 4, pp. 13-26)****Received 01.12.2020.**Sergey Y. KAZENNOV (imemoran@imemo.ru).

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Vladimir N. KUMACHEV (kumach-44@yandex.ru).

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Evgenia M. KOROLEVA (koroleva@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-5656-3791.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

COVID-19 related crisis is a collective designation of the current stage of the global system crisis, in which COVID-19 is a catalyst and a trigger of many ongoing processes, including destructive and destabilizing ones. The impact of this pandemic on military-economic activities (MEA) is direct and indirect. On the one hand, it is hampering MEA direct functioning, including personnel supply, a decrease in solvent demand, the possibility of financing and the implementation of military-technical cooperation. On the other hand, global tensions, confrontation, psychological instability and behavioral radicalism are on the rise under the COVID-19 conditions. And this is reflected in the demand for military power, power tools as a certain kind of "safety belt" and, accordingly, for MEA products, including non-traditional ones, for "hybrid" confrontations. In addition, due to the pandemic, the role of MEA as one of the "locomotives" of the recovery from the trap of the crisis, and as a technological incubator, has increased.

Under the crisis conditions, the most important task for MEA is to increase its functional and economic efficiency. Taking into account the limited resources of MEA, in any case they should provide reliable military security of the Russian Federation (RF), so-called asymmetric deterrence. Drawing Russia into a costly arms race would be unacceptable, as it would contribute to the collapse of the country, like it has been the case with the USSR. Therefore, the issue of proper distribution of funds and resources within the framework of the entire national security complex of the RF between its foreign, military and home, socio-economic components is an acute one.

In this regard, a pressing issue is to set tough priorities in determining the key directions of development of MEA of the Russian Federation, technological and military-technical policy, and the defense sector as a whole. And that should be reflected in the planning and implementation of the state armament program, the state defense order and other measures in the field of national defense and security.

Keywords: military-economic activity, COVID-19 related crisis, COVID-19 pandemic, military-economic imbalances, military expenditures, defense, security.

About the authors:

Sergey Y. KAZENNOV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Group of Military and Economic Globalization Processes, Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security.

Vladimir N. KUMACHEV, Senior Researcher, Group of Military and Economic Globalization Processes, Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security.

Evgenia M. KOROLEVA, Researcher, Sector of Military Economy and Innovations, Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security.

DOI: 10.20542/afj-2020-4-13-26